
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340.132.644

DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(2).5-18

ИСТОРИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ В ПРАВЕ: СОДЕРЖАНИЕ И ВИДЫ

И.А. Минникес, И.В. Минникес

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
28 мая 2021 г.

Дата принятия в печать –
11 апреля 2022 г.

Дата онлайн-размещения –
20 июня 2022 г.

Ключевые слова

Теория права, толкование,
способ правового толкования,
историческое толкование,
интерпретация в праве

Рассматриваются сущность исторического способа толкования в праве, его возможности и разновидности. Историческое толкование трактуется как уяснение и разъяснение содержания правового предписания на основании выявления правовых и неправовых факторов, предшествующих созданию нормы и сопровождающих ее принятие. При историческом толковании учитываются политические, социально-экономические и правовые факторы. Последние включают нормы-предшественницы, законопроекты, акты, которые сопровождали толкуемое предписание, и др. Предлагается несколько классификаций исторического толкования: официальное и неофициальное историческое толкование; собственно историческое и комплексное; толкование предписаний нормативных правовых актов, правовых обычаев, нормативных договоров и иных источников; толкование действующих предписаний и норм, утративших силу.

HISTORICAL INTERPRETATION IN LAW: CONTENT AND TYPES

Ilya A. Minnikes, Irina V. Minnikes

Baikal State University, Irkutsk, Russia

Article info

Received –
2021 May 28

Accepted –
2022 April 11

Available online –
2022 June 20

Keywords

Theory of law, interpretation,
method of interpretation in law,
historical interpretation,
interpretation in law

The subject of the study is historical method of interpretation in law, its capacities and types. Despite the recognition of historical interpretation by legal science, there are no specialized works and there is no consensus on the content of this method of interpretation. Historical interpretation is considered both as an interpretation based on a previous rule of law, as an interpretation considering the conditions for the adoption of the norm, and as an interpretation based on the practice of applying the interpreted norm.

The purpose of the study is to substantiate the authors' hypothesis that historical interpretation in law is an intellectual activity that involves clarifying the content of a legal prescription, achieved based on identifying legal and non-legal factors that both precede the creation of the norm and accompany its adoption. In addition, the authors set the task to identify those factors that should be taken into account in historical interpretation, as well as to classify the types of historical interpretation.

The analysis of historical interpretation is made using scientific methods: induction and deduction, formal legal, comparative legal synchronous and diachronic methods.

The main results, scope of application. Historical interpretation considers political, economic, social, and legal factors. Legal factors include the rules of law that preceded the interpreted norm, repealed acts, official and unofficial documents of law-making entities, draft laws, acts and the norms contained therein that accompanied the interpreted regulation, i.e. were adopted simultaneously with the interpreted norm, as well as other factors, such as the level of development of legal science and legal technique.

The authors suppose that historical interpretation cannot be considered as a homogeneous way of interpretation. In reality, the historical interpretation in law can be carried out using different techniques and methods, in relation to heterogeneous legal prescriptions, and carried out by subjects with different legal status. Therefore, several grounds for classifying historical interpretation are proposed. First, it is a classification that considers the connection of historical interpretation with the other ways of interpretation. According to this cri-

terion, it is possible to divide it into a proper historical and a complex historical interpretation. Complex historical interpretation includes historical-systematic, historical-functional, historical-teleological, historical-legal, and historical-linguistic interpretation. Second, the basis may be the sources of law that contain the rules of law. On this basis, historical interpretation is divided into the interpretation of prescriptions of normative legal acts, legal customs, normative contracts, etc. Third, it is possible to classify the historical interpretation, depending on whether the rule of law is valid or not, into the historical interpretation of the rules that have lost their legal force and the historical interpretation of the rules of the current law. The latter, in its turn, is divided into the interpretation of the current legal norms of the current content and those legal norms that have not lost their force but are outdated in content. The fourth classification is based on subjects and includes historical official interpretation and historical unofficial interpretation.

Conclusions. Correct approach to the concept and process of historical interpretation of the content of legal norms, as well as the choice of the type of historical interpretation helps in law enforcement, allows you to put forward scientific hypotheses, predict the further development of law based on historical knowledge of the interpreted norm, assess the possibility of reviving canceled acts in recurring socio-economic and political-legal situations.

1. Введение

Вопрос об историческом толковании правовых предписаний давно находится в поле зрения российской юриспруденции, но так и не получил полного и всестороннего рассмотрения.

Российские юристы конца XIX – начала XX в. выделяли исторический способ толкования, но не считали его основным, равным другим способам толкования.

Так, Н.М. Коркунов выделял в толковании два элемента: общий и специфически юридический. К общему элементу он относил грамматический и логический приемы толкования, а к юридическому – систематическое и историческое толкование. Различие данных способов он видел в том, что первый обращает внимание на одновременно существующие нормы, а второй – на нормы, существующие последовательно друг за другом во времени [1, с. 416–418]. Е.Н. Трубецкой, придерживаясь той же классификации, характеризовал интересующий нас способ толкования как «так называемое историческое толкование» [2, с. 137–138]. Е.В. Васьковский выделял лишь словесное и реальное толкование, а историческое толкование упоминал лишь со ссылкой на других авторов [3, с. 93–95].

В советский период акцент делался не просто на историческое, а на историко-политическое толкование [4, с. 91; 5, с. 477–479; 6, с. 495; 7, с. 247].

Советские и современные российские исследователи (С.С. Алексеев, Н.А. Власенко, Т.В. Кашанина, В.В. Лазарев, Л.А. Морозова, Т.Я. Насырова, В.С. Нерсесянц, В.А. Петрушев, А.С. Пиголкин, Н.А. Пьянов, А.В. Смирнов, А.Г. Манукян, В.М. Сырых, Ф.Н. Фаткуллин, А.Ф. Черданцев, А.С. Шабуров и др.)

называют историческое толкование среди других способов толкования, но нет ни одного монографического или диссертационного исследования, предметом которого является именно историческое толкование в праве. Отдельные немногочисленные статьи не разрешают в полном объеме весь комплекс проблем, существующих как в общей теории права, так и юридической практике.

Цель данного исследования – установить и обосновать, что понимается под историческим толкованием в праве, а также то, какие факторы необходимо учитывать при историческом толковании.

Кроме того, исторический способ толкования во всех исследованиях выступает как однородный, униформный способ, тогда как в реальности историческое толкование объединяет несколько разных комплексов приемов и средств. Поэтому важным представляется изучение вопроса о видах исторического толкования в праве.

Исходя из этого, проблема исторического толкования, его содержания и классификации в праве требует более полного и всестороннего анализа на основе научных методов: индукции и дедукции, формально-юридического, сравнительно-правового синхронного и диахронного методов.

2. Понятие и содержание исторического толкования в праве

Вопрос о том, что подразумевается под историческим толкованием в юриспруденции, относится к числу дискуссионных.

Данный способ толкования, именуемый историческим или историко-политическим, выделяется во многих научных исследованиях. Однако вопрос о том, что понимается под историческим толкова-

нием, до сих пор решается в научной и учебной литературе неоднозначно.

Следует помнить, что некоторые исследователи относятся к историческому толкованию как второстепенному виду, а само толкование предстает как система со строго иерархической организацией: «способы толкования норм права следует рассматривать как целостное систематическое правовое образование, имеющее иерархический характер» [8, с. 21].

Так, В.М. Сырых, признавая за историческим толкованием важную роль в деле уяснения воли законодателя, тем не менее отводит ему место факультативного метода, поскольку «он может быть использован далеко не каждым интерпретатором... и не всегда имеется и потребность в его применении» [9, с. 305].

В.А. Петрушев считает, что «история создания правовой нормы и ее функционирования интересует субъекта толкования лишь настолько, насколько это необходимо для ее практического применения», однако далее автор указывает, что правовые предписания подлежат историческому толкованию как в ходе научного исследования, так и в ходе реализации права [10, с. 151–152].

Возможно, с точки зрения современного правоприменителя такой подход оправдан. Но сужение толкования до уяснения смысла правового предписания в конкретное время для конкретной ситуации низводит историческое толкование до ремесленного уровня, единственное назначение которого – инструментальное.

Ни само толкование, ни история такого не заслуживают тем более, что не все исследователи согласны с наличием иерархической организации способов толкования. Так, А.Х.Р. Вианна считает, что в теории права отсутствует четкая иерархия способов толкования, и интерпретатор вправе использовать любые способы, причем, по наблюдениям автора, это может привести к различным юридическим решениям для одного и того же случая [11, р. 2501].

Как справедливо отметили Ф. Ахмад и Анмолам, исследователи из Южно-Азиатского университета в Нью-Дели, применительно к толкованию текстов нормативных договоров «нельзя с уверенностью сказать, что текст наилучшим образом отражает намерения сторон. Хотя текст является отправной точкой, имеет смысл изучить подготовительную работу только потому, что это даст более полное представление о том, каким образом та или иная сторона соглашается на что-либо» [12, р. 180]. Ориентация на

какой-либо один способ толкования в ущерб другим может привести к односторонней оценке содержания, например в виде «чрезмерно текстуалистского подхода к толкованию» [12, р. 172].

Исторический способ толкования позволяет строить научные гипотезы, прогнозировать дальнейшее развитие права на основании исторических знаний о толкуемой норме, оценивать возможности возрождения отмененных норм в повторяющихся социально-экономических и политико-правовых ситуациях, или, по удачному выражению бразильского исследователя П. де Оливейры, «темпорализировать» право посредством интерпретации [13, р. 1397].

Следовательно, сфера исторического толкования значительно шире, нежели решение одного конкретного дела в конкретный отрезок времени.

Думается, что прежде всего следует обозначить некоторые принципиальные моменты, на которых строится данная работа.

Отправная точка предлагаемого исследования определена, исходя из наименования способа – «исторический». Это означает обращение к прошлому, т. е. *правотворческий орган и толкователь находятся в различных временных рамках*. В принципе, если норма оформлена вчера, а толкование дано сегодня – это тоже обращение к прошлому. В контексте исторического толкования прошлое можно понимать как то, что было до введения в действие правового предписания.

Как представляется, **историческое толкование в праве** – это интеллектуальная деятельность, при которой уяснение и разъяснение содержания правового предписания достигается на основании выявления правовых и неправовых факторов – как предшествующих созданию нормы, так и сопровождающих ее принятие.

Чаще всего за примерами исторического толкования обращаются при наличии в законодательстве норм с устаревшим содержанием. В этом случае данный способ толкования действительно вполне очевиден и может принести практическую пользу. А если толкуемое предписание не устарело? Возможно ли его историческое толкование? И еще один вопрос – возможно ли историческое толкование применительно к нормам, закрепленным в отмененных актах?

Отвечая на поставленные вопросы, следует обозначить несколько базовых позиций.

Во-первых, историческое толкование может быть как официальным, так и неофициальным.

Почему-то в научных исследованиях исторический способ толкования соотносится в основном с субъектами, управомоченными на принятие юридически значимых решений.

Но ограничивать поле исследования единственно официальной частью исторического толкования было бы неверно. Поскольку в теоретико-правовой науке применительно к толкованию вообще выделяют виды толкования по субъектам, эта градация вполне применима к различным способам толкования.

Следовательно, исторический способ толкования доступен как специально управомоченным субъектам, так и любым лицам, независимо от того, имеют они специальные знания и подготовку (компетентное толкование), или нет (обыденное толкование).

Если принять во внимание этот факт, возможности и цели исторического толкования, а также сфера его применения значительно расширяются. Стоит вспомнить хотя бы школу глоссаторов, благодаря которой возродился практический интерес к римскому праву.

Во-вторых, историческое толкование может осуществляться как в отношении действующих правовых предписаний, так и в отношении устаревших норм, а также предписаний, утративших юридическую силу.

Если не сужать рамки целевой направленности толкования лишь до интересов правореализации, такое заключение выглядит обоснованным.

Некоторые авторы ссылаются на возможности исторического толкования именно с точки зрения понимания устаревших норм, справедливо подчеркивая, что эти нормы должны оцениваться с практических позиций. Толкование устаревших норм может повлечь за собой оперативное создание новой нормы, более соответствующей новым условиям жизни.

Так, В.М. Сырых признаёт, что «изучение конкретно-исторических условий и процесса подготовки и принятия нормативно-правового акта представляется необходимым во всех случаях, когда акт действует достаточно длительное время, а общество и правоприменители уже не имеют полных представлений об этом периоде». «Экскурсы в историю», как обозначает автор обращение к данному методу, иногда являются «единственным способом решения вопросов о допустимости и целесообразности применения ранее принятых актов в исторически новых условиях» [9, с. 304–305].

Но в данном случае речи о первоочередности практического результата толкования не идет: за основу взят вопрос о том, имеет ли предписание юридическую силу.

Почему представляется необоснованным поставить во главу угла признак «устарелости» предписаний?

Прежде всего потому, что деление на «устаревшие» и «не устаревшие» нормы имеет оценочный характер. Насколько норма не соответствует текущему моменту? Действительно ли это несоответствие порождает сложности в реализации? Во всех ли ситуациях реализация данной нормы невозможна?

Если на все эти вопросы имеется однозначный ответ, то, скорее всего, норма с точки зрения практической реализации нуждается не в историческом толковании, а в усилиях правотворческого органа.

Таким образом, для исторического толкования важны не только предписания действующего права, но и те, которые уже утратили силу, но суть, смысл которых интерпретатор желал бы понять.

В-третьих, историческим толкованием в прямом смысле является толкование, основанное на тех обстоятельствах жизни общества, которые сложились к моменту формирования содержания нормы и ее правового оформления.

Данный тезис требует детального анализа, поскольку вопрос о содержании термина «историческое толкование» исследователями разрешается неоднозначно.

Первая группа авторов склоняется к тому, что историческое толкование устанавливает содержание норм «исходя из условий их возникновения» [14, с. 82], «с опорой на знание фактов, связанных с историей возникновения толкуемых норм» [15, с. 352]. Помимо А.Ф. Черданцева и Т.В. Кашаниной к этой группе авторов относятся Н.А. Власенко, Н.А. Пьянов, Л.В. Соцура и др.

Этот подход можно обозначить как «статический», поскольку опорой толкования являются условия формирования и оформления нормы.

Вторая группа авторов предлагает сразу два критерия отнесения толкования к историческому. Во-первых, это исторические условия создания нормы, т. е. статический критерий, а во-вторых – это динамика, движение нормы, которое отражается в практике применения (или шире – реализации) нормы.

Эту позицию разделяли и разделяют В.В. Лазарев, В.М. Сырых, В.С. Нерсисянц, В.А. Петрушев и др.

Так, с точки зрения В.В. Лазарева, «историко-политическое» толкование предполагает как «знание социально-экономической и политической обстановки во время принятия акта», так и принятие во внимание практики применения нормативного акта, т. е. его жизнь» [16, с. 74]. В.А. Петрушев согласен с тем, что помимо изучения социально-политической обстановки, сложившейся в период принятия нормы, для исторического толкования необходимо также «понять то, как она функционировала» [10, с. 151].

Представляется, что разногласия весьма серьезны. Проблема состоит в том, что именно в такой ситуации подлежит историческому толкованию – то содержание нормы, которое изначально было заложено правотворческим органом, или еще и то, как норму трактовали субъекты, реализующие ее предписания?

Если оба подхода совпадают, вопрос можно решить легко и согласиться с возможным статическим и динамическим вариантом. А если не совпадают?

Насколько различаются результаты толкования в случае принятия той или другой позиции?

Обратимся к примерам.

В 1766 г. Екатерина II подписала Именной, данный сенату указ «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в оную депутатов»¹. В нем подробно описывалось, какие именно группы населения и территориальные единицы получили право выбрать депутата в Уложенную комиссию. В частности, в ст. 3 положения «Откуда депутатов прислать в силу манифеста к сочинению проекта нового Уложения» указано, что выбрать нужно «от жителей каждого города по одному депутату».

Содержание статьи настолько однозначно, что ее толкование представляется практически ненужным. Согласно текстуальной формулировке, замысел Екатерины заключался в наделении правом прислать депутата от определенного населенного пункта – города.

Но вот что такое город в понимании права XVIII в.?

Историческое толкование на основе оценки обстоятельств, предшествующих созданию данного

правила, позволяет заключить, что в Российской империи не каждый населенный пункт мог претендовать на статус города. Если город «старый», то признаком является наличие посада и уезда, внесение в списки и т. п. Для «новых» городов, основанных в имперский период, обычной практикой было принятие особого нормативного акта о его учреждении. Таким образом, «статическое» историческое толкование сужает круг населенных пунктов до таких, которые официально признаны городами.

Однако изучение практики реализации данного предписания показало, что некоторые территории, даже не имея статуса города, тем не менее в выборах поучаствовали.

Так, жители Гжатской пристани сочли, что их населенный пункт, будучи учрежден именованным указом Петра I «для славы российской коммерции» и имея свыше полутора сотен купеческих дворов, вполне может встать в один ряд с официальными городами². На то, что Гжатск не имеет своего уезда, жители решили не обращать внимания.

Скопинцы также отправили своего депутата, хотя Герольдмейстерская контора отказывалась признать выбор на основании того, что «Скопин не город но волость...»³.

Таким образом, толкование с позиций практики реализации правового предписания даст иную, нежели ранее указано, картину – населенные пункты со значительным числом жителей, имеющих право голоса (в данном случае это купцы-домовладельцы) и активную жизненную позицию, желавшие внести вклад в работу Уложенной комиссии, делегировали своего представителя в комиссию, даже если городами не являлись.

Таким образом, современный исследователь, осуществляя историческое толкование предписания ст. 3, встретит трудности в ее трактовке – какое именно содержание (статическое или динамическое) нужно взять за основу понимания смысла нормы?

Еще один сложный вопрос, иллюстрирующий проблему: каким будет «правильное» историческое толкование, если в процессе реализации нормы существенно изменились обстоятельства реализации нормы?

¹ Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е. Т. XVII: 1765–1766. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 1092–1110. [Док.] 12801.

² Липинский М. А. Новая данная для истории Екатерининской комиссии о сочинении проекта нового уложения //

Журнал Министерства народного просвещения. 1887, Июнь. Ч. 251. С. 259–260.

³ Кизеветтер А. А. Исторические очерки: Из истории политических идей. – Школа и просвещение. – Русский город в 18 в. – Из истории России в 19 ст. М.: Тип. А.А. Левенсона, 1912. С. 214.

Примером такой ситуации может служить Уголовный кодекс (далее – УК) РСФСР 1922 г. (в ред. 1926 г.).

Несмотря на внедрение в первоначальный текст УК множественных дополнений (в частности, разрастание ст. 58 и 59 в полноценную главу, включающую разделы «Контрреволюционные преступления» и «Особо опасные для Союза ССР преступления против порядка управления»), толкование позволяет оценить как содержание, вложенное в правовые предписания законодателем, так и то, как в действительности оно воплощалось.

Так, по замечанию А.И. Калашниковой, «подготовка УК РСФСР 1926 г. наглядно показала, что... уголовное право представляло собой поле ожесточенной борьбы не столько по собственно уголовно-правовым вопросам, сколько в связи с необходимостью окончательного закрепления коммунистической идеологии в уголовном праве и, что не менее важно, создания репрессивного инструментария для обеспечения безопасности власти и проведения в жизнь ее политики» [17, с. 8].

Вполне объяснимо в связи с этим принятие Постановления ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)». С этих позиций содержание п. 10 ст. 58 УК укладывается в схему политической борьбы – наказуемы «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений». Что собой представляют контрреволюционные преступления – указано в первой же статье данной главы.

Однако практика реализации указанной статьи доказывает, что для правоприменителя эти рамки необязательны. Курс на коллективизацию, активное сопротивление «кулаков» привели к тому, что как контрреволюционная агитация оценивались и призывы к противодействию мероприятиям по «ликвидации бескоровности», и агитация против колхозов, и даже призывы не выходить на работу в колхоз, на лесозаготовки и сплав.

Таким образом, и в этом случае условия разработки нормы и ее реализация порождают разные варианты истолкования.

Что касается выбора предпочтительного подхода к вопросу о содержании исторического толкования, то необходимо уточнить – что является предметом толкования любого вида?

Если содержание нормы, то практика реализации правового предписания к этому отношения не имеет.

Если взять за основу динамический подход, необходимо включить в предмет толкования особенности сложившейся практики действия нормы.

Но в этом случае сложившаяся практика – это то, как норму истолковал и понял правоприменитель, а не то, чем она была в первоначальном смысле. На эту мысль наталкивает замечание А.В. Смирнова и А.Г. Манукяна: они требуют учитывать при историческом толковании *те исторические условия и обстоятельства, которые воздействуют на понимание их содержания субъектами правореализации* [18, с. 68].

Конечно, можно предполагать, что именно правоприменитель лучше всех и правильнее всех понимает заложенный законодателем смысл правового предписания. Но не всегда складывается столь идеальная картина. Этому мешает и субъективный взгляд на смысловое значение нормы, и обстоятельства объективного характера, в частности несоответствие «старого» содержания нормы «новым» экономическим, социальным и политико-правовым условиям.

Таким образом, более корректно под историческим толкованием понимать толкование, основанное на тех обстоятельствах жизни общества, которые сложились к моменту формирования содержания нормы и ее правового оформления. Именно в этом случае толкуется «первоисточник», т. е. содержание нормы, а не ее трактовка субъектами правореализации. Динамический же вариант, как представляется, справедливо отнесен А.Ф. Черданцевым и Т.В. Кашаниной к самостоятельному виду – функциональному способу толкования.

В-четвертых, в перечень обстоятельств жизни общества, которые сложились к моменту формирования содержания нормы и ее правового оформления и которые принимаются во внимание при историческом толковании, можно включить как собственно правовые факторы, так и явления более широкого порядка.

Что принимать во внимание, составляя картину исторических условий, сопровождающих создание правового предписания?

Выявление важнейших характеристик обстановки, которая сподвигла законодателя на создание нормы, включает широкий круг разнообразных элементов, в который с полным правом войдут как политические, экономические и социальные факторы, так и сугубо правовые явления – предшествующие нор-

мы, законопроекты, отмененные акты, обычаи, имеющие правовое значение, а также многие иные факторы, например уровень правосознания и юридической техники, наличие правовых научных школ и т. п.

Социально-экономические и политические условия жизни являются первоосновой оценки нормы: при историческом толковании, как замечает Т.В. Кашанина, «интерпретатор выясняет конкретно-исторические условия, существовавшие на момент принятия толкуемой нормы, экономическую, социальную обстановку, причины, поводы, вызвавшие к жизни нормативные акты, ставшие объектом толкования». Но, как справедливо замечает автор, получить эту информацию из текста акта нельзя, поэтому необходимо обратиться к источникам, «лежащим за пределами системы права» [15, с. 352].

В качестве таковых Н.А. Власенко называет проекты нормативных правовых актов и прения по ним, протоколы заседаний правотворческих органов и т. д. [19, с. 192].

В.М. Сырых подчеркивает, что данные о конкретно-исторических условиях «могут быть дополнены и конкретизированы углубленным изучением процесса подготовки и принятия акта. При этом автор уточняет, что особое внимание в этом направлении исследования нужно уделить «выяснению вопросов о том, какие готовились проекты, кто принимал участие в их разработке, какие цели ставили проектанты, почему одни проекты были отвергнуты, а другие были одобрены» [9, с. 304].

Но чрезмерное расширение данной группы источников может привести к некорректным результатам. Как справедливо отмечалось Т.Я. Насыровой, «интерпретатор никогда не может отходить от объективированного результата воли законодателя – нормативного акта». Следовательно, привлечение дополнительных источников «уместно только тогда, когда они отразились на его смысле» [20, с. 20].

Документы и проекты, связанные с толкуемой нормой, можно обобщить в единую группу *документальных правовых материалов*.

Другим источником, способствующим пониманию условий принятия того или иного предписания, может служить *предшествующее предписание, сохраняющее норму, утратившую силу*.

Н.М. Коркунов считал, что историческое толкование подразумевает сопоставления нормы с предшественницей, т. е. нормой, «действующей по тому же предмету в момент установления новой» [1, с. 418]. Такой ракурс исторического толкования подразумевал несколько правил: нормы должны чере-

доваться во времени, иметь один и тот же предмет и взаимоисключающую природу.

Возможно, именно такой смысл историческому толкованию придают А.В. Смирнов и А.Г. Манукян, указывая, что историческое толкование основано на сравнении толкуемой нормы с «содержанием других норм, имеющих *тот же самый предмет* (курсив наш. – И. М., И. М.)», причем, как указали авторы, обычно нормы для сравнения содержатся в актах, принятых ранее или позднее закона, из которого взята толкуемая норма [18, с. 65].

Не разделяя полностью точку зрения авторов, все-таки следует согласиться, что предшествующая толкуемому предписанию норма может дать пищу для размышлений при историческом толковании: она «...дает возможность понять идею законодателя, например, стремился ли он усилить юридическую ответственность...» [19, с. 192].

А.Т. Боннер в виду историческое толкование, фактически соединял документальные источники и нормы-предшественники. Он считал, что историческое толкование подразумевает сравнение толкуемой нормы с ранее действовавшими, а также изучение различных материалов, «способствующих уяснению причин издания или изменения этой нормы» [21, с. 16].

Еще один элемент, на котором базируется историческое толкование, – это, как представляется, уровень развития правовой науки, взгляды исследователей на ту сферу отношений, которая регулируется данной нормой.

Этот аспект можно обозначить как научный, *доктринальный источник* исторического толкования.

Так, взгляды на проблемы толкования, в том числе и на способы (методы) толкования, Н.М. Коркунова и Е.Н. Трубецкого во многом сформировались под влиянием работ Савиньи. Существовавшая в то время дискуссия сводилась в основном к числу способов толкования и приоритете тех или иных способов.

Практики того времени более узко смотрели на эту проблему. Е.В. Васьковский, который помимо преподавательского имел большой опыт практической работы в качестве судьи и адвоката, как говорилось ранее, выделял только два способа толкования.

Очень сдержанно относились к привлечению исторического материала представители отраслевых юридических наук того времени. Известный специалист в области уголовного права Н.С. Таганцев сетовал на то, что статьи закона многословны, в них много ненужных слов и выражений, только затемня-

ющих смысл, часто законодатель вводит в характеристику деяния и сами мотивы, вызвавшие тот или другой уголовный закон, вводит даже иногда в текст исторические материалы⁴.

Выделение большего числа и обоснование новых способов толкования характерно для советской юридической науки. Так, А.С. Шабуровым обоснована позиция о существовании семи способов толкования [22, с. 362].

Современные исследователи строят свои изыскания уже на существующей научной базе, внося, безусловно, определенный элемент новизны и, соответственно, формируя новый уровень доктринальной базы толкования. Однако и их разработки рано или поздно подвергаются критическому осмыслению как в известной степени устаревающие, догматические. Так, бразильский ученый Р.Л. Симиони предложил анализ, показавший, насколько устарели методологические концепции правового толкования, используемые правовой доктриной с XIX в., и необходимость трансдисциплинарной юридической практики толкования [23, р. 135].

Наконец, представляется, что важным источником информации о политико-правовых условиях создания нормы могут стать *те акты и содержащиеся в них нормы, которые сопровождали толкуемое предписание*.

Содержание нормы может быть раскрыто с помощью анализа источника в целом и места нормы в системе «общего пакета» правовых предписаний, «места нормы права в системе отрасли или даже в системе права в целом» [15, с. 350].

Как справедливо заметил Е.В. Васьяковский, «на всех нормах, входящих в состав какого-либо закона, лежит печать духовного единства...» [3, с. 203]. При этом автор распространил эту сферу единства не только на статьи одного акта, но и на их совокупности. И.Я. Дюрягин отмечал, что «смысл и содержание некоторых правовых норм определяется тем, в какой нормативный акт или в какой его раздел данные нормы включены» [4, с. 92].

Примером может служить оценка предписания Конституции 1924 г., в которой прописан принцип свободного выхода республик из Союза ССР.

Современный исследователь может целиком и полностью поверить в право сецессии союзных республик, исходя из текстуальной формулировки ст. 4 гл. 2 Конституции, где обещано, что «за каждой из

союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза». Но стоит оценить тот факт, что ни в период разработки данного принципа, ни в момент утверждения текста Конституции не было норм, предусматривающих механизм выхода из Союза.

На фоне этого факта историческое толкование в контексте «сопровождения» толкуемой нормы порождает устойчивое убеждение о декларативном характере этого установления.

На примере последнего источника информации о содержании толкуемой нормы можно убедиться, что этот вид толкования сочетает как элементы исторического (в том случае, если толкуемая норма и весь «пакет» сопроводительных актов по времени отстоят от времени толкования), так и иного способа толкования.

Следует заметить, что этот пример не является исключением. Многие факторы, которые лежат в основе исторического толкования, обретают знакомые черты способов толкования, имеющих хождение в современных исследованиях, – систематического, языкового и т. п.

3. Виды исторического толкования в праве

Обоснование всех перечисленных выше положений имеет целью не только отразить базовые подходы автора к проблеме исторического толкования, но и способствовать корректной градации данного способа толкования на виды, используя несколько оснований классификации.

В частности, последний тезис может лечь в основу выделения нескольких видов комплексного исторического толкования, которое использует приемы других способов интерпретации. Кроме того, возможна классификация исторического толкования в зависимости от действия нормы во времени, в зависимости от того, какими источниками права оформлено предписание, и в соответствии с тем, какие факторы взяты за основу исторического толкования.

Классификация с учетом связи исторического толкования с иными способами толкования

В соответствии с тем, приемы каких способов толкования дополняют историческое толкование, в нем можно выделить такие виды, как **собственно историческое** и **комплексное**. С учетом этого можно говорить о существовании комплексных (смешанных) способов толкования.

Идея не нова, но вот в приложении к историческому способу толкования эта мысль обнародована

⁴ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. СПб.: Гос. Тип., 1887. Вып. 1. С. 222–224.

только для сочетания исторического и функционального способа. Так, В.М. Сырых отметил, что исторический метод толкования применяется не только самостоятельно, но и совместно с функциональным методом. Как считает автор, функциональный метод представляет собой тот же исторический метод, используемый для уяснения конкретно-исторических условий применения нормативно-правового акта [9, с. 305]. Н.А. Власенко, правда, отвергает идею связи функционального и исторического способа толкования [19, с. 192].

В.С. Нерсисянц строго разграничивал историческое и функциональное толкование, но определения, которыми он обозначал тот и другой способы, указывают на то, что они частично перекрывают друг друга. Историческое (историко-политическое) толкование, как определил автор, включает, помимо прочего, анализ воли законодателя не только времени создания нормы, но и «времени ее реализации в данной конкретной регулятивной ситуации», тогда как для функционального толкования необходим учет конкретных условий, особенностей времени и места, при которых реализуется данная норма права [6, с. 495–496].

Можно ли говорить об иных вариантах? Представляется, что это вполне допустимо. Н.А. Пьянов указывал, что в процессе уяснения смысла правовых норм используется обычно не один, а целая совокупность способов толкования [24, с. 441]. Ф.Н. Фаткуллин настаивал на самостоятельности «приемов» толкования, но, тем не менее, считал, что применяются они «всегда в комплексе, тесно переплетаются между собой» [7, с. 247].

Комплексное историческое толкование можно подразделить на несколько подвидов:

– **Историко-систематическое толкование.** Данный комплексный способ требует, чтобы при толковании во внимание принимались характер предписаний, сопровождающих толкуемую норму и ее место в системе «общего пакета» правовых предписаний того времени, когда была создана толкуемая норма.

Примером может служить институт залога в Гражданском кодексе (далее – ГК) 1922 г. Так, согласно ст. 88 ГК «залогом может обеспечиваться лишь действительное требование». Эта статья, на первый взгляд, отсылает к предшествующему предписанию – ст. 1554 ч. I «Свод законов гражданских» Т. X Свода законов Российской империи, где сказано, что «договоры и обязательства по обоюдному согласию могут быть укрепляемы и обеспечиваемы: 1) по-

ручительством; 2) условием неустойки; 3) залогом имущества недвижимых; 4) залогом имущества движимых».

Таким образом, с позиций исторического анализа предшествующей нормы ГК 1922 г. говорит о залоге как способе обеспечения обязательств. Однако историко-систематический способ толкования дает совершенно иную картину: толкуемая статья входит в раздел «Вещное право». Так что советское залоговое право, наряду с правом собственности и правом застройки, судя по месту в ГК 1922 г., относится к вещному, а дореволюционное – к обязательственному.

– **Историко-функциональное толкование.** Под таковым следует понимать толкование «динамического» порядка. Другими словами, историко-функциональный способ основан на изучении практики реализации толкуемой нормы.

Но, в отличие от функционального толкования, историко-функциональное толкование позволяет анализировать практику реализации отмененных предписаний, устаревших норм и тех положений, которые отделены от интерпретатора значительным временным отрезком, в рамках которого могли существенно измениться условия жизни общества.

– **Историко-языковое толкование.** Это толкование основано на особенностях лексики и грамматики того времени, когда создана норма.

Интересно, что Е.Н. Трубецкой, отказывая в самостоятельности историческому толкованию как способу, тем не менее именно его, по сути, имел в виду, когда указал на необходимость тщательного знакомства с языком законодателя, поскольку «этот язык может значительно отличаться от нашего современного языка» [2, с. 137].

Например, без исторического толкования с языковой составляющей трудно правильно понять содержание предписания, которое требует «имать крепости» (ст. 247–253 гл. X) Соборного Уложения 1649 г. Это предписание, как известно историкам права, не имеет никакого отношения к военному делу, зато напрямую связано с гражданско-правовой сферой отношений.

Еще более сложно современному исследователю без историко-языкового толкования понять, что имел в виду законодатель, описав ситуацию с крестьянином, который пришел без животов (ст. 26 гл. XI), и у убийцы тоже не оказалось живота (ст. 133 гл. X). Дело в том, что с давних времен «животом» называли имущество, принадлежащее субъекту.

– **Специально-юридическое (техничко-юридическое) историческое толкование.** Как самостоя-

тельный способ оно признаётся не всеми. Его существование и продуктивность обозначены в трудах Ф.Н. Фаткуллина, С.С. Алексеева, Т.В. Кашаниной.

Как представляется, толкование содержания правового предписания, действительно, помимо прочего, должно принимать во внимание использованные в тексте термины, понятия и конструкции [7, с. 246].

Данный вид толкования производится с учетом предшествующих норм, а также проектов, не ставших законодательством), но на основе «техничко-юридических средств и приемов выражения и изложения в акте воли законодателя...» [25, с. 303].

Иллюстрацией этого вида толкования может служить, в частности, т. X Свода законов Российской империи, в котором законодатель оперирует такими юридическими терминами и конструкциями, как «благоприобретенное имущество», «товарищество на вере», «запродажная запись», «купчая крепость», «рекрутская квитанция» и т. п.

– **Историко-телеологическое толкование.** Иногда исторический способ толкования вообще именуют «историко-целевым», подчеркивая, что с помощью исследования исторических документов можно установить цели интерпретируемого предписания.

Вопрос о необходимости выделения целевого (телеологического) способа как самостоятельного способа толкования в научной литературе решен неоднозначно. Так, в ряде исследований этот способ вообще не признаётся, а некоторые авторы [26; 27], по оценке Т.Я. Насыровой, возводят его в ранг «способа, претендующего на проверку истинности результатов других способов» [20, с. 67]. Н.А. Пьянов акцентирует внимание на его значимости в условиях резкой смены социально-политической обстановки [24, с. 440]. Кроме того, некоторые авторы разделяют понятия целевого и телеологического толкования. Так, в частности, хорватский ученый М. Вукотич считает целевое толкование «своего рода телеологической интерпретацией, утверждением, основанным на различных предположениях о субъективных и объективных целях» [28, р. 10].

Но, при всем многообразии оценок этого способа, как представляется, вполне оправданно мнение о том, что цели законодателя зачастую «выходят за пределы содержания нормативно-правового

предписания» [20, с. 19]. Это особенно важно установить в тех случаях, когда намерения законодателя завуалированы особыми приемами, например с помощью законодательной техники. И.Я. Дюрюгин прямо указал, что историко-политическое толкование, помимо прочего, заключается в выяснении социально-политических целей законодателя [4, с. 91]. В.М. Сырых также акцентирует внимание на необходимости установления «содержания и направленности воли законодателя» в момент создания акта [9, с. 304].

С учетом мнения авторитетных исследователей, можно предположить, что и этот аспект следует принять во внимание при реализации исторического толкования.

В частности, без толкования сложно понять, что имел в виду император в ст. I и IV Манифеста об образовании Государственного совета от 1 января 1810 г.: «В порядке государственных установлений Совет составляет сословие, в коем все части управления в главных их отношениях к законодательству соображаются и через него восходят к верховной императорской власти», – причем порядок формирования этого Совета также текстуально запутан: «Совет составляется из особ, доверенностью нашею в сословие сие *призываемых* (курсив наш. – И. М., И. М.)»⁵.

Следует отметить, что ни знание особенностей языка начала XIX в., ни юридической терминологии в этом случае не поможет. Слова «соображаются», «восходят», «призываемые» – все они понятны с обыденных позиций, но маскируют истинный смысл предписаний.

Только историко-телеологическое толкование может в этом случае разъяснить, что новый государственный орган создается как совещательный при императоре и формируется посредством назначения членов совета императором.

а. Классификация исторического толкования по видам источников права, в которых содержится правовая норма

Объектом исторического толкования является содержание нормы права, формализованное текстом любого источника права.

К сожалению, в нашей теоретико-правовой науке сложилась устойчивая традиция ставить знак равенства между материальным носителем нормы и нормативным правовым актом.

⁵ Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е. Т. XXXI: 1810–1811. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 3–15. [Док.] 24064.

Как правило, именно нормативный акт ассоциируется в исследованиях с текстовой формулировкой нормы: «толкование – это познавательная деятельность, осуществляемая с целью установления содержания нормы права, изложенной в *тексте нормативно-правового акта* (курсив наш. – И. М., И. М.)» [9, с. 276]; «под толкованием права понимается... мыслительный процесс, направленный на установление содержания норм права путем выявления значений и смысла терминов и выражений (знаков естественного языка), заключенных в *нормативных актах* (курсив наш. – И. М., И. М.)» [14, с. 5–6]; при толковании «интерпретатор слой за слоем вскрывает то, что юридически выражено и изложено в тексте нормативного акта» [25, с. 301].

Некоторые авторы просто не уточняют форму текстуального воплощения нормы, однако молчаливо соглашаются с нормативно-правовыми актами как ее носителями. Однако можно рассмотреть вопрос шире и признать необходимость и возможность толкования норм, которые заложены иными формами (источниками) права.

Исходя из сказанного, историческое толкование может быть классифицировано на несколько видов. **Это историческое толкование содержания норм, содержащихся:**

- в *нормативных правовых актах*;
- *правовых обычаях*;
- *нормативных договорах*;
- *религиозных текстах* (этот вид активно используется в правовых системах, основанных на религии);
- *правовых доктринах*;
- *судебных прецедентах*;
- *иных формах*, в том числе устаревших, частично или полностью не признанных российской теоретико-правовой наукой (юридически значимые обычаи, завещания князей, религиозно-светские тексты, партийные нормативные акты и т. п.).

б. Классификация исторического толкования в зависимости от действия нормы во времени

Как отмечалось ранее, историческое толкование применимо как в отношении действующих норм, так и в отношении правовых предписаний, утративших силу. У этих разновидностей исторического толкования могут быть разные цели и разная степень полезности для практики, однако исключать ту или другую из средств уяснения содержания правового предписания было бы неверно. В частности, когда авторы указывают на важность «предшественников» современной нормы, они тем самым открыв-

ают доступ к историческому толкованию не только самой нормы, но и ее «прародителей».

Исходя из сказанного, **в зависимости от действия нормы во времени** можно выделить:

- *историческое толкование норм, утративших силу*;
- *историческое толкование норм действующего права*.

Последний вид, в свою очередь, может быть представлен двумя разновидностями.

Это, во-первых, действующие *нормы актуального содержания*, а во-вторых, это *устаревшие по содержанию предписания*, не утратившие своей юридической силы. Именно в отношении устаревших по содержанию норм историческое толкование имеет особое значение.

с. Классификация исторического толкования по субъектам

Этот критерий классификации достаточно популярен в современной юриспруденции. Исходя из того, какой статус имеет интерпретатор, применительно к историческому толкованию можно выделить:

- *историческое официальное толкование*;
- *историческое неофициальное толкование*.

Для правоприменения значение и силу имеет только первая разновидность. Вторая может служить подспорьем и выполнять задачи научного, учебного, воспитательного и подобного характера.

Следует отметить, что приведенная схема классификации исторического толкования в праве не является исчерпывающей. Возможны и другие основания градации способов толкования, однако, как представляется, приведенные выше классификации наилучшим способом отражают многозначность приемов и средств исторического толкования, разнообразие его целей и возможностей воздействия как на правоприменителя, так и на правотворческие органы.

4. Заключение

На основании исследования можно заключить, что историческое толкование содержания правовых норм обладает несомненной ценностью и значительным потенциалом. Оно не только помогает в правоприменительной деятельности, но и позволяет строить обоснованные научные гипотезы, прогнозировать направления развития права на основании знаний об исторических условиях разработки и принятия толкуемой нормы, оценивать возможности возрождения отмененных норм в повторяющихся социально-экономических и политико-правовых условиях. Историческое толкование подразумевает

уяснение и разъяснение содержания правовых предписаний на основании знаний об обстоятельствах правового и неправового характера, которые сопровождали разработку и официальное принятие правового предписания. Говоря об историческом способе толкования в праве, не следует забывать о многомерности содержания данного способа. Историческое толкование в праве может быть комплекс-

ным, т. е. объединять приемы собственно исторического и иных способов толкования (функционального, лингвистического и др.), осуществляться как управомоченными субъектами, так и лицами любого статуса, толкуемые предписания могут относиться к действующему праву или утратить юридическую силу, причем само предписание может быть оформлено не только в нормативном правовом акте, но и нормативном договоре, правовом обычае и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 430 с.
2. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. – СПб. : Лань, 1999. – 218 с.
3. Васьяковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е. В. Васьяковский. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
4. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы / И. Я. Дюрягин. – Свердловск : Сред.-Ур. кн. изд-во, 1973. – 248 с.
5. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. – М. : Юридическая литература, 1973. – 648 с.
6. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма : Инфра-М, 2000. – 552 с.
7. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории права : курс лекций / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань : Изд-во Каз. ун-та, 1987. – 336 с.
8. Кожевников В. В. Толкование юридических норм: системный подход / В. В. Кожевников // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 29. – С. 15–28. – DOI: 10.17223/22253513/29/2.
9. Сырых В. М. Теория государства и права : учеб. / В. М. Сырых. – М. : Юстицинформ, 2004. – 704 с.
10. Петрушев В. А. Толкование права / В. А. Петрушев. – М. ; Иркутск : РПА Минюста России, 2008. – 260 с.
11. Vianna A. J. R. Interpretação do Direito e Teorias da Verdade / A. J. R. Vianna // Quaestio Iuris. – 2017. – Vol. 10, no. 4. – P. 2501–2520. – DOI: 10.12957/rqi.2017.27941.
12. Ahmad F. Treaty Interpretation in the China Rare Earths Case: A Criticism of Textualism / F. Ahmad, Anmolam // China and WTO Review. – 2021. – Vol. 7, no. 1. – P. 171–184. – DOI: 10.14330/cwr.2021.7.1.08.
13. Oliveira P. C. P. de. Para uma leitura fenomenológica da historicidade do direito / P. C. P. de Oliveira // Quaestio Iuris. – 2020. – Vol. 13, no. 3. – P. 1397–1428. – DOI: 10.12957/rqi.2020.45898.
14. Черданцев А. Ф. Толкование советского права / А. Ф. Черданцев. – М. : Юридическая литература, 1979. – 168 с.
15. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учеб. / Т. В. Кашанина. – М. : Эксмо, 2007. – 512 с.
16. Лазарев В. В. Применение советского права / В. В. Лазарев. – Казань : Изд-во Каз. ун-та, 1972. – 200 с.
17. Калашникова А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Калашникова. – Казань, 2009. – 26 с.
18. Смирнов А. В. Толкование норм права : учеб.-практ. пособие / А. В. Смирнов, А. Г. Манукян. – М. : Проспект, 2008. – 144 с.
19. Власенко Н. А. Теория государства и права : науч.-практ. пособие / Н. А. Власенко. – М. : Юриспруденция, 2009. – 424 с.
20. Насырова Т. Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона: теория и практика / Т. Я. Насырова. – Казань : Изд-во Каз. ун-та, 1988. – 144 с.
21. Боннер А. Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе / А. Т. Боннер. – М. : Юридическая литература, 1980. – 160 с.
22. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и фак. / отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. – М. : ИНФРА-М : Норма, 1997. – 558 с.

23. Simioni R. L. Interpretação jurídica e percepção seletiva: a dimensão organizacional da produção de sentido no direito / R. L. Simioni // Revista Brasileira de Direito. – 2015. – Vol. 11, no. 1. – P. 135–147. – DOI: 10.18256/2238-0604/revistadedireito.v11n1p135-147.
24. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2008. – 571 с.
25. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юридическая литература, 1982. – Т. 2. – 360 с.
26. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР / А. С. Пиголкин. – М. : Госюриздат, 1962. – 166 с.
27. Спасов Б. П. Закон и его толкование : пер. с болг. / Б. П. Спасов. – М. : Юридическая литература, 1986. – 248 с.
28. Vukotic M. Influence of objective elements on the interpretation of wills / M. Vukotic // Pravni Vjesnik. – 2017. – Vol. 33, no. 1. – P. 9–29. – DOI: 10.25234/pv/4943.

REFERENCES

1. Korkunov N.M. *Lectures on the general theory of law*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 430 p. (In Russ.).
2. Trubetskoi E.N. *Encyclopedia of Law*. St. Petersburg, Lan' Publ., 1999. 218 p. (In Russ.).
3. Vas'kovskii E.V. *Civil law methodology. Scientific research on the interpretation and application of civil laws*. Moscow, Tsentr YurInfoR Publ., 2002. 508 p. (In Russ.).
4. Dyuryagin I.Ya. *Application of the norms of Soviet law. Theoretical questions*. Sverdlovsk, Middle-Ural Book Publ., 1973. 248 p. (In Russ.).
5. *Marxist-Leninist general theory of State and law: Socialist law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1973. 648 p. (In Russ.).
6. Nersesyants V.S. *General theory of law and the state*, Textbook for universities. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2000. 552 p. (In Russ.).
7. Fatkullin F.N. *Problems of the theory of law*, course of lectures. Kazan, Kazan University Publ., 1987. 336 p. (In Russ.).
8. Kozhevnikov V.V. Interpretation of legal norms: system approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2018, no. 29, pp. 15–28. DOI: 10.17223/22253513/29/2. (In Russ.).
9. Syrykh V.M. *Theory of state and law*, Textbook. Moscow, Yustitsinform Publ., 2004. 704 p. (In Russ.).
10. Petrushev V.A. *Interpretation of the law*. Moscow, Irkutsk, Russian Legislation Academy of the Ministry of Justice of Russia Publ., 2008. 260 p. (In Russ.).
11. Vianna A.J.R. Interpretação do Direito e Teorias da Verdade. *Quaestio Iuris*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 2501–2520. DOI: 10.12957/rqi.2017.27941. (In Portuguese).
12. Ahmad F., Anmolam. Treaty Interpretation in the China Rare Earths Case: A Criticism of Textualism. *China and WTO Review*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 171–184. DOI: 10.14330/cwr.2021.7.1.08.
13. Oliveira de P.C.P. Para uma leitura fenomenológica da historicidade do direito. *Quaestio Iuris*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 1397–1428. DOI: 10.12957/rqi.2020.45898. (In Portuguese).
14. Cherdantsev A.F. *Interpretation of Soviet law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1979. 168 p. (In Russ.).
15. Kashanina T.V. *Legal technique*, Textbook. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 512 p. (In Russ.).
16. Lazarev V.V. *Application of Soviet law*. Kazan, Kazan University Publ., 1972. 200 p. (In Russ.).
17. Kalashnikova A.I. *The Criminal Code of the RSFSR of 1926: conceptual foundations and general characteristics*, Cand. Diss. Thesis. Kazan, 2009. 26 p. (In Russ.).
18. Smirnov A.V., Manukyan A.G. *Interpretation of the norms of law*, an educational and practical guide. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 144 p. (In Russ.).
19. Vlasenko N.A. *Theory of state and law*, a scientific and practical guide. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2009. 424 p. (In Russ.).

20. Nasyrova T.Ya. *Teleological (target) interpretation of the Soviet law: theory and practice*. Kazan, Kazan University Publ., 1988. 144 p. (In Russ.).
21. Bonner A.T. *Application of normative acts in civil proceedings*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1980. 160 p. (In Russ.).
22. Korel'skii V.M., Perevalov V.D. (eds.). *Theory of state and law*, Textbook for law universities and faculties. Moscow, INFRA-M Publ., Norma Publ., 1997. 558 p. (In Russ.).
23. Simioni R.L. Interpretação jurídica e percepção seletiva: a dimensão organizacional da produção de sentido no direito. *Revista Brasileira de Direito*, 2015, vol. 11, no. 1, pp. 135–147. DOI: 10.18256/2238-0604/revista-dedireito.v11n1p135-147. (In Portuguese).
24. P'yanov N.A. *Consultations on the theory of state and law*, teaching aids. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 2008. 571 p. (In Russ.).
25. Alekseev S.S. *General theory of law*, in 2 volumes. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. Vol. 2. 360 p. (In Russ.).
26. Pigolkin A.S. *Interpretation of normative acts in the USSR*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1962. 166 p. (In Russ.).
27. Spasov B.P. *The law and its interpretation*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. 248 p. (In Russ.).
28. Vukotic M. Influence of objective elements on the interpretation of wills. *Pravni Vjesnik*, 2017, vol. 33, no. 1, pp. 9–29. DOI: 10.25234/pv/4943.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Минникес Илья Анисимович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований
Байкальский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: iaminnikes@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3491-6661
ResearcherID: AAE-1269-2020
SPIN-код РИНЦ: 7738-0200; AuthorID: 505363

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований
Байкальский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: ivminnikes@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2550-8949
ResearcherID: 6361-2017
SPIN-код РИНЦ: 6729-1412; AuthorID: 384155

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Минникес И.А. Историческое толкование в праве: содержание и виды / И.А. Минникес, И.В. Минникес // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 5–18. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).5-18.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ilya A. Minnikes – Doctor of Law, Associate Professor, Head, Department of Legal Theory and Comparative Law, Institute of Legal Research
Baikal State University
11, Lenina ul., Irkutsk, 664003, Russia
E-mail: iaminnikes@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3491-6661
ResearcherID: AAE-1269-2020
RSCI SPIN-code: 7738-0200; AuthorID: 505363

Irina V. Minnikes – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research
Baikal State University
11, Lenina ul., Irkutsk, 664003, Russia
E-mail: ivminnikes@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2550-8949
ResearcherID: 6361-2017
RSCI SPIN-code: 6729-1412; AuthorID: 384155

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Minnikes I.A., Minnikes I.V. Historical interpretation in law: content and types. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 5–18. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).5-18. (In Russ.).